

УДК 316.75

К ВОПРОСУ «СМЫСЛОВОЙ АДЕКВАТНОСТИ» ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

О. А. Романовская

Романовская Ольга Алексеевна, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Межрегиональный институт развития образования, Саратов, romanovska.ol@yandex.ru

Статья посвящена вопросу методологической рефлексии повседневных представлений о Гражданской войне в России, рассмотренных через призму исторической памяти. Анализируются нарративные свидетельства мифологии повседневного сознания как особый канал сопричастности с прошлым. Отмечается отличие социальных фактов от их же описания через возможность универсальной процедурной проверки независимо от «точки зрения» исследователя.

Ключевые слова: Гражданская война, знание, повседневная мифология, социальная история.

To the Question of “Semantic Adequacy” of Historical Memory about the Civil War

O. A. Romanovskaia

Olga A. Romanovskaia, ORCID 0000-0003-1732-8072, Interregional Institute of Development of Education, 6, Kosmonavtov Emb., Saratov, 410002, Russia, romanovska.ol@yandex.ru

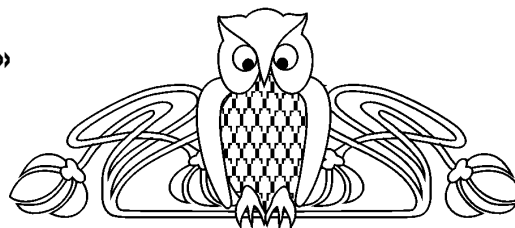
The article is devoted to methodological reflection everyday ideas about the Civil war in the Russia, viewed through the prism of historical memory. Analyzed narrative evidence of the mythology of everyday consciousness as a special channel of communion with the past. Notes difference between social facts from their own descriptions using the universal procedural checks regardless of the “perspective” of the researcher.

Key words: Civil war, knowledge, everyday mythology, social history.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-10-12

Сто лет прошло с тех пор, как «чудовищно невероятное стало фактом, и из истории России уже нельзя вычеркнуть, что темное подполье открыто на весь мир могло провозгласить себя властелином великой страны»¹. Мы не ставим перед собой задачи воспроизвести целостную историческую картину Гражданской войны в России начала XX в., цель скромнее: проиллюстрировать посредством случайной бесповторной выборки проявления повседневной мифологии, связанной с исторической памятью о Гражданской войне.

Историческая память, несмотря на свою определенную неполноту и противоречивость, обладает большой потенциальной силой, способностью сохранять в массовом сознании оценки событий прошлого, которые превращаются в ценностные ориентации, определяющие поступки и действия

социальных акторов. Не вдаваясь в аналитические размышления о трансляции исторической памяти представителями одного поколения другому, отметим, что механизмы памяти «побуждают», кроме всего прочего, и воображение. Историческая память хранит факты, имена, даты, воскрешает события, создающие социокультурную проблему: что помнить и восхвалять – что забыть и скрыть. Э. Кассирер отмечал, что исторический смысл не меняет облика вещей, не привносит в них новых качеств, но придает вещам и событиям новую глубину². Какова связь между прошлым и настоящим, что на уровне обыденного сознания, повседневной мифологии может укрепить интерес к прошлому, но и посеять сомнения относительно достоверности и ценности исторической памяти? Почему, невзирая на любые исторические перипетии, сохраняется содержательное ядро общественных социокультурных предпочтений?

Междисциплинарные исследования специфической формы общественного сознания, охватывающей само «знание», понимание и отношение социальных акторов к историческому прошлому, ее взаимосвязи с реалиями сегодняшнего дня и возможному отражению в будущем, позволили сформировать представления об исторической памяти, которые оказались весьма устойчивыми характеристиками образа жизни людей и которые во многом определяют намерения и настроения, опосредованно оказывая весьма мощное влияние на характер и методы решения обыденных и общественных проблем³. При отсутствии методологического единства по поводу того, что же такое историческая память и повседневная мифология, склоняемся к убеждению, что историческая память это – определенным образом сфокусированная система представлений о прошлом, которая отражает особую значимость и актуальность исторической информации «здесь и сейчас». Повседневная мифология – особый вид мироощущения, специфическое, образное, чувственное, синкретическое представление о явлениях природы и общественной жизни. Миф насыщенный интуитивным содержанием; «рассуждающая мысль» – это сфера логоса⁴.

Авторская презумпция заключается в том, что в исторической памяти мы видим источник эмоциональных и психологических переживаний, создающих повседневную мифологию. Повседневная мифология – особый эмоциональный канал сопричастности с прошлым. Она начинается с факта, в нашем случае – исторического.

Повседневность рассматривается с различных точек интерпретации, но особое внимание уделяется моменту понимания того, что «повседневность» сложно поддается рефлексии. На наш взгляд, именно научная рефлексия повседневности продуцирует эвристические способы социально-исторического анализа, способность к пониманию и объяснению социальной реальности, а также политики памяти.

Поведение, нормы, ценности тех или иных социально-статусных, социокультурных, этноконфессиональных и прочих групп в лучшем случае представляются необычными для посторонних наблюдателей. Но эти «странности» могут говорить о важных моментах жизнедеятельности общества, его глубинных аксиологических процессах. Повседневная мифология – область, связанная с анализом практик, взаимодействий и культурной организации повседневной жизни. В этом контексте социально-исторические исследования нередко представляют собой соединение сущностно несоединимых феноменов знания: описания реальности «как она есть» и идеального проекта, не «понимающего» социальность в ее наличном бытии и стремящегося изменить ее в соответствии со сложившимися в процессе исследования конструктами. Наша исследовательская презумпция заключается в том, что любая наука включена и в фигуративный, и денотативный контексты.

Что же отличает социальный факт вне исследователя от него же, но опосредованного исследовательской мыслью? Очевидно, что одни смысловые конструкты проверяемы и, следовательно, в этом контексте реальны, другие являются вымышленными (данное обстоятельство может быть явно задано семантикой конструкта, но может никогда не обнаружиться), третьи конструкты принадлежат сфере воображаемого имажинативного⁵.

Обратимся для иллюстрации к результатам авторского исследования, основанного на случайной бесповторной доступной выборке респондентов. Данные являются источниками личного происхождения, поэтому в строгом классическом смысле не обладают репрезентативностью. Но отсутствие этого свойства выборки, на наш взгляд, не отменяет возможности качественного анализа полученных результатов. На вопрос ««Белые-красные» – кто они?» (по доступной выборке) только 10 респондентов без особых затруднений дали ответ: «противостоящие идеологические силы в период Гражданской войны в России». Самым распространенным был ответ «затрудняюсь ответить» – 31 человек, 21 респондент «белыми» считает белых людей, а именно: русских, европейцев, американцев; «красными» – индейцев, кавказцев, чернокожих, азиатов, словом, всех, кто не белый! (Мы умышленно сохраняем все нарративы повседневной речи респондентов, это, на наш взгляд, придает особую фактурность мифологичности сознания.) Оставшиеся 15 респондентов на вопрос «кто», утверждали: «белое вино» –

«красное вино»; или «нежность – коварство»; или «просто цвета»; или «цвет нижнего белья».

Очевидно, что заявленное равнодушие к вопросу свидетельствует об отсутствии саморефлексии по проблематике Гражданской войны. Повседневная мифология обеспечивает приспособление традиционного менталитета к изменяющейся ситуации, но в терминах нового дискурса и в направлении других «священных» объектов. Получив эти данные, мы предположили, что ментальный план исторической памяти функционирует так же, как мифология повседневного сознания.

Итак, отличие социальных фактов от их же описания заключается, прежде всего, в референциальности, т. е. возможности универсальной процедурной проверки независимо от «точки зрения» исследователя. Но всегда ли и какая процедурная проверка обладает магическим свойством объективности? В чем суть параметров релевантности, надежности и точности тогда, когда исследователь «стоит» на научных позициях В. Дильтея, предложившего сохранить термин «объяснение» только за естествознанием? Что же касается социальной истории, то она, по его мнению, стремится не объяснять, а «понимать» прошедшие события⁶. Как в этом случае оценить то, что часто напоминает художественное произведение, являясь всего лишь чьей-либо «oral history»?

Бесспорно, социальные науки отличаются от художественного мира тем, что сохраняют естественную установку на существование реального мира. С помощью кантовской конструкции «als ob» – «как если бы» – из представления о возможном извлекаются необходимые следствия для реального и указываются направления пересечения грани как основное условие вымыслообразования⁷.

Обращаясь за информацией к акторам-носителям «исторической памяти», мы, естественно, прикасаемся к весьма причудливому сочетанию некоторых научных и повседневных (бытовых) представлений об истории в целом, истории России и истории Гражданской войны в частности. Например, рассказывая о «белом офицере», респондент называл фамилию «Будёнов» и был весьма убежден в истинности своих исторических знаний. Некоторые респонденты (число их незначительно) считают, что Алексеев, Деникин и Краснов воевали на стороне «красных», а Блюхер и Тухачевский – «белые», потому что среди «простого» народа мудреные фамилии не встречаются.

По мнению респондентов, «красный командир» – с красной рожой, носом, в буденовке, на коне, с шашкой, с вилами, стремится к власти, грабит богатых, знает мало, неинтеллигентен, от него пахнет перегаром, но он всегда побеждает, потому, что для него главное – уничтожить белых, чтоб всем всего было поровну, сохранить свою власть, поесть... «Белый офицер» – при красивой форме, погонах, в трезвом уме, выправке, имеет чистую одежду, идеалы и желание восстановить

Закон Божий, он дворянин, плохой, богатый, меланхолический, наглый бандит, желающий взять власть у простого народа и защитить царя...

Чаще всего информацию о «красных – белых» можно, по мнению респондентов, получить из учебников истории. Среди художественных фильмов назывались: «Белое солнце пустыни», «Свадьба в Малиновке», «Неуловимые мстители», один респондент вспомнил фильм «Сорок первый». Редко, но вспоминали анекдоты «про Чапаева», затрудняясь при этом определить, на чьей стороне он воевал.

Вполне очевидно, что образы и красного командира, и белого офицера складываются из представлений «смотрящих» в прошлое и из реальных, сохранных общей исторической памятью черт «объектов». Несмотря на то, что подавляющее большинство респондентов отмечали излишние репрессии в «красных командирах», никто категорически не высказывался против Советской власти, никто не обозначил виновников в развязывании Гражданской войны. Только один респондент четко сформулировал русскую патриотическую идею, в которой нет места красным, так как они атеисты или иудеи, но белые много переживали и сомневались, поэтому их обычно расстреливали комиссары, а победителей не судят...

Многие респонденты на вопрос: «Почему Ваши симпатии на стороне “красных”?» отвечали: «Мы простые люди, не элита, не олигархи, поэтому поддерживать богачей, значит поддерживать несправедливость». Те, чьи симпатии оказались на стороне «белых», в большинстве своем испытывают уважение к дореволюционной культуре России, императорской армии, имеющей славные традиции, навеки утерянные с приходом «красных».

Итак, вне зависимости от возраста, пола, социального статуса и даже личных симпатий к «красным – белым», респонденты информацию о Гражданской войне воспринимают эмоционально: гордятся, грустят и сочувствуют. В основной массе своей, не имея сколько-нибудь точных знаний о происходивших событиях, респонденты все-таки «узнают» персонажей отечественной истории. Это могут быть образы исторической эпохи на индивидуальном уровне, точки зрения, версии, взгляды, порой даже просто мнения. Здесь историческая память не выходит за рамки жизненного пространства личности, личности, создающей и одновременно существующей в повседневной мифологии.

Результатом нашего исследования явилась авторская презумпция противоречивости и неоднозначности повседневности, что не позволяет полностью принять вариации об исторической безценности добра и зла. Полагаем, что рефлексия массовых представлений о прошлом, стереотипы «мы непредсказуемы» или «умом Россию не понять» более не вписываются ни в державно-патриотическую трактовку самобытности Российской цивилизации, ни в официально-идеологические поиски национальной идеи. Очевидно, что массовые представления о прошлом не должны сводиться к совокупности статистических данных, которые следует научно описать и проанализировать в синхронной конфигурации, но имеют мощнейший прогностический потенциал нравственного осмысления будущего.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-81-01028).

Примечания

- 1 Из записок общественного деятеля // Сборник Российских политических программ 1917–1995. Выборг : Посев, 1991 ; Архив русской революции : в 22 т. Т. 21–22. М. : Терра, 1993. С. 379.
- 2 См.: *Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке. М. : Гардарики, 1998. С. 649.
- 3 См.: *Тоценко Ж. Т.* Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM> (дата обращения: 19.10.2017).
- 4 См.: *Ливоев В. М.* Мифологическое сознание как способ освоения мира. Петрозаводск : Карелия, 1991. С. 14.
- 5 См.: *Батыгина Г. С.* «Социальные ученые» в условиях кризиса : структурные изменения в дисциплинарной организации и тематическом репертуаре социальных наук ; Невидимая граница : грантовая поддержка и реструктурирование научного сообщества в России // Социальные науки в постсоветской России : сб. / под ред. Г. С. Батыгина, Л. А. Козловой, Э. М. Свицерски. М. : Академический Проект, 2005. С. 6–107, 323–340.
- 6 См.: *Дильтей В.* Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Культурология. XX век. Антология / гл. ред. и сост. С. Я. Левит. М. : Юрист, 1995. С. 213–256.
- 7 См.: *Кант И.* Критика способности суждения. М. : Искусство, 2001.

Образец для цитирования:

Романовская О. А. К вопросу «смысловой адекватности» исторической памяти о Гражданской войне // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 10–12. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-10-12.

Cite this article as:

Romanovskaia O. A. To the Question of “Semantic Adequacy” of Historical Memory about the Civil War. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 10–12 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-10-12.